

ВОСКРЕСНЫЙ
ГОСТЬ «СМЕНЫ»

ПОСЛЕДНИЕ годы «времен застоя». Какой-то Дом творчества под Зеленогорском. И мы — творческая молодежь. Что-то как будто обсуждаем. Как будто бы друг с другом знакомимся.

Сытная кормежка в уютной солидной столовой, запах прелого листа в сброшенном одежде парке. И ожесточенные пляски все вечера под вскрикивания взятого напрокат диск-жокея. Пляски до оскаленных зубов. Будто втаптываем в пол хрупкого зала самих себя. И «зелье» по номерам, и голова

ся не только с музой, а с семьей, которую, кстати, надо кормить. Володя похож на пленника, матакаясь на углы, тесным хитрым скарбом...

— Меня недавно приняли в Союз писателей, так что теперь я писатель «со справкой». Может быть, площадь дадут. Есть надежда. Это — если о надеждах.

Володя подчеркнул себя «застемляет». Говорили о выпуске первой книги, посетовал: «Шапку украли, пока меня фотограф туда-сюда поворачивал. Мороз, а он говорит, мол, шапку положи,

— Парадоксы противопоставления. Хотим видеть все явления в одном свете. Хлеб не растет — рок виноват. Спорт — обязательное здоровье. А можно наоборот. Спорт — ранняя смерть. А рок — концерты в фонд умирающей от засухи Эфиопии...

Рок для меня — это молодость, свобода, самовыражение. Хотя есть в роке и все, о чем говорят его противники. Но там есть и большее. Как в спорте. С любимым знаком большее. И с отрицательным тоже. Сейчас для меня большой советский спорт представ-

завшей интерес повести...

— А как же перестройка!

— Это термин странный! Пришло во времена литературы лодания немного помаленьку восемь срубов построил. Я эти когда сгнили строили, новый делу не поможет...

— Но не можешь же ты отрицать, что «сегодня не так, как вчера»!

— Да, «вчера» было несколько иначе. Давили отечественный рок, разоблачали отечественных панков, хотя в это время самые-то настоящие «панки» — министерские — уже собирались поворачивать реки. Сейчас не так просто. Хотя каналы такие роют, дамбу строят... А после выступления «Советской России» масса идеологических работников замерла в верноподданническом ожидании...

— А тебе не кажется, что пришло для нас время, когда свалить и кивать на других не приходится! Пора разобратся на деле — кто мы-то сами такие!

— Мы такие, какие есть. Мое поколение, в отличие от тех, кто в сознательном возрасте пережил первую «оттепель», вступило в зрелую жизнь в пресловутом «застое» и до последнего времени ничего другого не видело и не предполагало. Мы все заражены скептицизмом. Среди людей моего возраста, да, к сожалению, не только моего, шуточно говорят: «Когда все это кончится, то...». Скептицизм — социальная болезнь. Я не знаю, в какой стадии эта болезнь у нас, хотелось бы выздороветь. Иначе может получиться, что общество будет двигаться вперед, а мы будем рефлекторно и пить свой двойной кофе. В этом смысле двадцатилетним, думаю, гораздо легче. У них другие установки. Но реально свершить что-то могут люди моего возраста. И это, пожалуй, одна из социально-психологических проблем сегодняшнего дня. Мы должны свершить — сможем ли!

— Не ведь ты хочешь выпускать в свет книги, писать их, то есть пронести свое «слово», свое «верую»...

— У нас несколько вышеназванных побат определять задачи литературы, искусства. Моя задача гораздо проще. Я хочу нарисовать портрет своего поколения, попытаться проанализировать его место в отечественной истории. Все-таки я историк по образованию. «Кайфа» — одна из повестей, которая должна составить будущий цикл...

— Вот видишь, цикл... О каком цикле могла идти речь еще пару лет назад! Твоя надежда высказаться сегодня тоже связана с переменами...

— Написать цикл не помешает никакое время. Разговор может идти о выходе на читателя. Сегодня у меня эта возможность действительно появилась. Что ж, спасибо нынешним временам. Возможность публично сказать правду — это и есть реальное участие в том деле, которое мы условно называем перестройкой. Только давайте говорить правду, даже если она нас не красит...

— МНЕ ЛВККО говорить с Володей. Несмотря на то, что он предпочитает короткие ответы и отбивается какой-нибудь мысль «развить»: «Да ну, все же понимают. Что повторять одно и то же по-разному!» — гудит миролюбиво.

— Мне кажется, мы не один за столом, и наши друзья — «кого уж нет, а кто далече» — с нами. Те самые, из сигаретного смеха полуминчаня, когда как пошел, день за днем страивались в никуда наши годы... Да, те из наших друзей, кто растворился, разаялся с этим попом, в чувствую, стоят за нашими спинами. И свято верую, что не отдадут они нас на потребу нашим маленьким личным успехам.

«...И я хочу собраться в скачать, как рассуждаю в последнее время. Ведь в смысле души мы сейчас возле, в который раз, разбитого корыта или, точнее, перед развороченной кладкой, развороченной на кирпичики, хотя каждый раз строим на века. Да, получилась нелепость. Но кирпичики-то целы, и все-таки стоит строить здание нового самосознания, в котором жить нам и нашим детям с рок-н-роллами там или без...»

С гостем встречалась
Алена КРАВЦОВА

«КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ...»

так значительной будет. Я положил, поворачиваюсь — нет шапки.

Хоронится за набором из реальных надежд от надежд несбывшихся. Экономно «распределяется» в сегодняшней своей жизни. И все же навсегда для множества прежде всего — тот Рекшан, знаменитый лидер легендарного «Санкт-Петербурга».

«...Я стоял в гриме, разодетый в мадиновые вельветовые брюки и занюханную футболку. На ногах болтались разбитые кеды. Коллеги мои были под стать, а тогда, надо заметить, на родную сцену даже самые отличные рокеры выходили причесанные и в костюмчиках.

...Мы врезали им «Осень», и «Блюз номер 1», и «Сердце камня» без пауз, поскольку страшно было останавливаться, остановившись поневоле и чельшая шкватание, выразившееся в свете, топоте, битве в ладоши, бросании на сцену мелких предметов, остановившись и сфокусировав зрение, и различив их лица, насмешливо-приветливые, возбужденные, вакхические и юные, эти милые теперь мне лица моей юности, остановившись поневоле, я зло понял, что зал теперь уже наш»...

Не случайно, наверное, что именно последняя документальная повесть «Кайф» — жизнеописание не только «русского рока», но и целого поколения, — вызвала всеобщий интерес, и о писателе Рекшане заговорили, вспоминая, кстати ностальгически, и музыканта Рекшана.

Нашему поколению было интересно узнавать себя и общих знакомых в полных то юмора, то горячи воспоминаниях. Молодым, наверное, интересно заглянуть в прошлое, «до себя», как интересно возвращение к корням, какой бы прихотливо независимой ни становилась крона.

Для меня же писатель Рекшан начался со своих спортивных рассказов, которые скромно соседствовали в первой сборнике «Третий закон Ньютона» (за него-то и было улачено судьбе шапкою) рядом с ностальгическими зарисовками все той же жизни концертных и танцевальных залов, выступлений, иступлений и разбитых надежд... Была в этих рассказах простота и мужская надежность. Еще была в них юность — не в сигаретном дыму над стаканом «зелья», а в радостном ощущении упругих мышц, азартной борьбы, движения к победе.

«...Стремительный бег — умение так бежать дарует ничтожную по продолжительности, но безмерно жваемую испытывавшим это иллюзию. Будто вырывается ты из самого себя, обгоняя плоть свою, материю пространства и время. Казалось, суть, идея... оттолкнулась от деревянного бруска, улетела далеко вперед под вздох трибун и бухнулась в песок. И в тот же миг плоть, материя и время восстановили обычный свой статус, и, отряхиваясь от песка, из прыжковой ямы под грохот трибун вышел высоченный двадцатичетырехлетний, почти красавец, чемпион, а значит, более, чем красавец, истинный избранник жизни, скупно и благосклонно улыбающийся трибунам».

Как будто бы проступила вторая ипостась уже знакомого лица.

Есть тут какой-то парадокс. Слово «спорт» и слово «рок» так далеко разведены в нашем восприятии, что кажется — «две вещи несовместные», а Володя — и спортсмен и рок-музыкант.

«В смысле души мы сейчас возле, в который раз, разбитого корыта или, точнее, перед развороченной кладкой, развороченной на кирпичики, хотя каждый раз строили на века. Да, получилась нелепость. Но кирпичики-то целы, и все-таки стоит строить здание нового самосознания, в котором жить нам и нашим детям с рок-н-роллами там или без...» — считает писатель Владимир РЕКШАН.

с утра не своя. А из-под гнилых листьев трава зеленая тянется, не понимает, что тепло обманчивое, на гниль обрекающее.

Знакомилась. «Кто такой?» Выделяется ростом и статью среди творческой субтильной молодежи, лицо злое. «Рекшан. Владимир. Как будто бы надежда молодой прозы. Знаменитость, кстати». — «А где почитать?»

Кого из нас толком можно было почитать, посмотреть, послушать! Собирали в автобусы у обкома комсомола, считали по головам, везли в «Икарусе» с комфортом: поэт такой-то с прозаиком таким-то — номер такой-то. Секция кино — направо. Критики! А это откуда! Ах, семинар «Авроры!» Так бы и сказали...

Блажен, кто попадал в семинар, в секцию, в «обойму»...

— Ну вот теперь можно прочесть твою книгу. Повесть напечатана в «толстом» журнале. Тебе пишут письма. И другие толстые журналы хвалят или ругают. И не «как будто бы», а в самом деле — «молодой писатель», заметный даже. Как ты это все принимаешь!

— Как должное. «Молодой писатель»... Мне сорок лет скоро — это раз. Два — я спортсмен. А если в пятнадцать бы уже чемпионом страны, то отношение к себе и к внешней стороне победы меняется.

В своей девятиметровой коммунальной комнатке, где детская кроватка напоминает, что пространство это дели-